

О германской ориентации и русском национальном достоинстве

В Берлине выходит одно серое, тусклое, бесцветное издание: ни одной новой мысли, ни одной своей идеи. Но называется оно, тем не менее: «Новое Слово». Серость и убожество этого издания, повидимому, столь безнадежны, что оно, не замечая того, даже возводит их в норму своих оценок. Это сказывается, в частности, в его выпаде против стиля нашего органа не нравящегося ему своей какой-то «нанымщенностью» (?).

Троцкий хорошо сказал, что стиль это не только человек, стиль это — партия. Следовательно и шире: это движение. Стиль упадочников, людей вчерашнего исторического дня, конечно, не тот, каков стиль тех, кто находится на гребне исторического прибоя. Пламенный, патетический стиль героев Французской Революции не таков, каков стиль современных «трезвых» политиков-буржуа. Точно также, стиль героического периода большевизма иной, чем стиль современных западно-европейских рабочих партий. Тот же стиль, который нам ставят в образец наши критики, это — стиль людей выхолощенных от всякого идейно-динамического содержания, стиль упадочников, политиканствующих обывателей, филистеров. Их простота — действительно, хуже воровства, ибо она от убожества, от внутренней немощи и опустошенности.

Так вот это самое издание (именно «издание»: ничего большего не скажешь) с тем особым изъяснением своего какого-то превосходства, в котором так легко узнается ничтожество,

набросилось с «уничтожающей» критикой, посвященной последнему номеру «Т. Р.». На «критику» эту мы отвечать не станем. Мы вообще без крайней необходимости не занимаемся темами *pro domo sua*, увы! столь обычными в наших эмигрантских условиях общественно-политического безделья. Но в этой «критике» есть кое-что **типичное** для некоторых из существующих настроений среди русских общественно-политических течений. На него и следует обратить внимание.

Издание это не то чтобы фашистское (куда там!), но... фашиствующее. Однако, странная и злая ирония со всеми нашими фашиствующими группировками: чем более неистово и рьяно они заявляют себя «фашистскими», тем унижительнее в отношении врагов России и тем более предательски в отношении самой России они себя ведут. Ведь фашизм прежде всего в максимальном утверждении национального достоинства своего народа и в воинственной охране его исторических прав. Вспомним поучительное для данного случая поведение самого создателя фашизма, Муссолини и его партии. — Когда Германия только вздумала посягнуть, при том лишь на **косвенные** интересы Италии, связанные с проблемой Австрии, то итальянская фашистская печать заговорила таким языком со своим идейным родичем, немецким фашизмом, какой вообще по своей резкости и грубости, неизвестен в истории печати. Гитлеровская же Германия своих колонизаторских, захватнических планов в отношении России даже не скрывает: на этом ведь, в конце концов, построена вся ее современная внешняя политика. Она позволяет себе пригом, со свойственным этой нации свинным самодовольством, третировать русский народ и все славянство «низшей расой», предназначенной как «навоз» для удобрения ее, якобы, «высшей расы». Все это общеизвестно, известно не только нам, но и всему мировому общественному мнению, так как было предметом целого ряда официальных и неофициальных выступлений и заявлений.

Поэтому, когда вопреки всему этому некоторые из такого рода русских горе-фашистов, стараются «доказать», что ничего подобного нет, что Гитлер затевает поход на Россию с самыми благими и лишь антибольшевистскими намерениями, то это выходит совсем уж в духе одной русской народной по-

говорки: «тот ему плюет в глаза, а он твердит: Божья роса».

Мы можем еще понять хоть и не считаем возможным принять ту позицию пассивной лояльности, которую занимают в отношении новой Германии некоторые из наших русских правых кругов. Но мы ни в чем не видим оправдания позиции тех русских, которые открыто становятся на сторону государств явно враждебных России, как таковой. А между тем, это далеко не единичные явления, хотя тут же нужно сказать, явления, обычно, крайне преувеличиваемые и подтасовываемые теми, кто в этом заинтересованы.

Из некоторых достоверных источников нам известно, что русская эмиграция сейчас повсюду находится не только под негласной, «положительно-отрицательной» обработкой большевиков, но также и гитлеровских агентов. Нам, разумеется, не о чем спорить с расистскими истериками и скоморохами: у нас с ними — мы уже писали об этом — может быть лишь один язык, язык оружия. И если понадобится, — мы не сомневаемся в том: русский народ им пообломает их хищнические клыки. Считаем лишь нужным напомнить им, что дело им придется иметь не с несчастными, опустившимися беженцами и случайными проходившими, которых они всеу всячески обхаживают и обрабатывают, а с новыми гранитными людьми новой грядущей России, людьми огненной, революционной формации; с тем новым человеческим материалом, который вынес на себе и преодолел величайшую в мировой истории трагедию. Мы даже склонны думать, что хищный лай на Россию жадных расистских псов, есть лай на слона ничтожной москы. Но москы не должна забывать, что лает она на слона, чтоб не рисковать далеко не безопасными для нее последствиями. Гитлеровским комедиантам мы очень рекомендуем подучить историю на этот счет, — вспомнить, в трепете державшего всю Европу Карла XII и безраздельно владевшего ею Наполеона, чтоб понять, что не им столь самонадеянно соваться в путь, на котором погибли два величайших из завоевателей.

Но это не бесполезно было бы помнить и тем из наших соотечественников, о которых здесь идет речь. Точка зрения интервенционизма и пораженчества, особенно такого новейшего типа, есть прежде всего глубоко пессимистическая точка

зрения. В ее основе лежит глубокое неверие в свой народ, косвенное признание его исторической несостоятельности и политической незыблемости. Это главная и основная причина, которой только и возможно объяснить поведение тех русских, которые стоят на этой, позорной для нашего национального достоинства, точке зрения. Не в наших обычаях бороться с противником путем заподозривания и очернения его. Говоря об объективной порочности и лжи осуждаемой нами здесь политической позиции, мы не считаем возможным опорачивать чьих либо субъективных намерений. Мы уже писали и повторяем, что безусловно не сомневаемся в искренности и лучших побуждениях думающих и таким образом, но мы указываем на ложь их посылок, которые роковым образом влекут их к позорным и преступным выводам. Мы не иностранцы и, конечно, понимаем, что дело здесь не в какой-либо корыстной социальной тенденциозности и тем более, не в личных низких мотивах, а в трагедии, в необходимости выбора между двумя, одинаково невыносимыми путями. — Подлинный ведь трагизм и состоит в невозможности легкого и благополучного выбора. Ведь даже, Гришка Огрепьев, — беглый монах, отъявленный проходимец, должен был испытать муки угрызений своей патриотической совести, прежде чем пойти на Русь вместе со станом поляков.

Трагедия же, о которой мы говорим, есть трагедия необходимости выбора между внутренним и внешним врагом одной и той же России. Мы категорически и безусловно отвергаем последний вариант выбора, т. к. руководствуемся, как мы уже писали об этом, аксиоматическим для нас положением, что враг внешний всегда больший враг, чем враг внутренний; что если Россия больна, а она безусловно социально-политически больна, то нельзя приглашать врача, который заинтересован не в излечении, а в смерти больного. Мы же при всяких обстоятельствах предпочитаем Россию больную — России мертвой».

Но кроме того и в этом главное: мы не думаем, что из данного нам положения имеются лишь два выхода — с внутренним или с внешним врагом России. Мы считаем, что есть третий выход, правда, он — по линии наибольшего сопротивления, — не с тем и не с другим из врагов русского народа, а с русским

народом против того и другого его врага. Но этот выход предполагает и исходит из веры в русский народ, из веры в безусловную историческую состоятельность России, т.-е. из того, чего как раз и лишены наши в данном вопросе противники.

Это Третье Решение борьбы на два фронта является наилучшим уже потому, что, принимая его, мы не ставим себя, как в двух других случаях в положение врагов России, ибо быть с одним из ее врагов, — все равно: внутренним или внешним, — значит, тем самым, быть самому ее врагом. А это, с нашей точки зрения, не только политически самоубийственный путь, но и лично путь совершенно невыносимый и абсолютно исключенный для нас.

П. Б.